LE MOUVEMENT RUSSE DÉVOILÉ A L'AIDE DU MICROSCOPE, PAR PIERRE ALISSOFF

Prix: 50 Centimes.

„Про

РОССІЙСКОЕ БРОЖЕНІЕ,

ОБНАРУЖЕННОЕ СЪ ПОМОЩЬЮ МИКРОСКОПА

„Какъ ихъ безбрежныя поля
Безгласны люди. Отъ Китая
До стѣнъ недвижнаго Кремля,
Подъ дикимъ гнетомъ изнывая,
Томится русская земля.
Живутъ и мрутъ среди смиренья
Въ молчаньи вяломъ поколѣнья
. . . . . .
И сверху внизъ все давитъ, давитъ,
И тѣсно, тяжело дышать....."

I.

Если въ настоящую минуту взглянуть на Россію въ стекло, увеличивающее въ три тысячи разъ, можно довольно ясно разглядѣть броженіе; имѣя обоняніе американскаго индѣйца, обнюхать тончайшій, но тѣмъ неменѣе пикантнѣйшій ароматъ, неизмѣримо медленно плывущей къ намъ изъ Дарданеллъ, конституціи. Но броженіе и конституція — слова, которыми шутить и опасно, и предосудительно, они требуютъ быстраго и толковаго объясненія. Броженіе я понимаю въ очень умѣренномъ смыслѣ,

это не то стремительное броженіе, рвущее пробки, встрѣчающееся въ кислыхъ щахъ, не то всѣмъ замѣтное, дымящееся броженіе, проявляющееся въ навозной кучѣ! Нѣтъ! это то броженіе, которое свершается въ глинистой почвѣ, подъ вліяніемъ долгихъ, долгихъ, холодныхъ осеннихъ дождей. На конституцію мы смотримъ такъ же отнюдь не утопически; я увѣренъ, что мы не станемъ слѣдовать примѣру коварнаго, безслѣдно разложившагося запада: мы прежде всего татары, и послѣ всего славяне; мы народъ глубоко молчаливый и самостоятельный, мы можемъ снизойти до нахальнаго обезьяньяго передразниванія пахабныхъ сторонъ гнилаго запада, но мы никогда не унизимся до перениманія у нихъ конституціи! Наша конституція, изъ уваженія къ націи, должна непремѣнно носить восточный татарско-ханскій характеръ; въ силу неодолимаго историческаго прошлаго, она должна быть смѣшанною, т. е. азіатско-россійскою конституціею. Но трепетать намъ не изъ чего: по вѣрнымъ слухамъ, начальникъ III отдѣленія Мизинцевъ будетъ удаленъ и надѣленъ имѣніемъ въ западномъ краѣ въ первый же день обнародованія конституціи, и вмѣсто него назначенъ добрѣйшій, елейной души, тайный совѣтникъ Пальчиковъ; шпіонамъ будетъ прибавлено жалованіе, жандармамъ тоже. Мы увѣрены, что тайный совѣтникъ Пальчиковъ не воспользуется правомъ: посѣкать изрѣдка политическихъ преступниковъ; пламенѣя любовью къ молодежи, онъ будетъ ее только увѣщевать, ублаготворять, наставлять и сдобрять. Въ III отдѣленіи часто будутъ устраиваться семейные вечера для молодежи, публичныя лекціи, филантропическіе конгрессы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ опускалось подъ полъ знаменитое стуло, съ высшей степени озадаченнымъ, не смотря на знаніе этого фокуса, субъектомъ, будетъ опускаться и подыматься этажерка, нагруженная не „кущами райскихъ садовъ,“ но лакомыми блюдами и сластями для рѣзвящейся молодежи. Я привожу въ примѣръ III отдѣленіе и останавливаюсь на предполагаемыхъ радикальныхъ измѣненіяхъ въ немъ для того, чтобы вполнѣ обнаружить мой взглядъ на плывущую къ намъ изъ Дарданеллъ конституцію. Всякій любящій свою родину понимаетъ, что III отдѣленіе — святая святыхъ, бездоннѣйшая сущность всего сложнаго государственнаго механизма; I, II и IV отдѣленія составля-

ютъ только эфемерные аксессуары III отдѣленія, онѣ играютъ роль раззолоченнаго швейцара съ алебардою, отворяющаго и затворяющаго двери знатнаго дома.

III отдѣленіе — солнце, около котораго въ нестройномъ порядкѣ вращаются всевозможныя министерства; оно обдаетъ ихъ своими мягкими лучами, питаетъ злаки, ростущіе въ нихъ, поддерживаетъ въ нихъ круговращеніе матеріи; померкни оно и попадаютъ учрежденія государственныя въ ночь безъ разсвѣта, превратятся въ безсмысленныя ледяныя глыбы! Но кромѣ этого III отдѣленіе имѣетъ глубоко религіозное значеніе: пока оно существуетъ, никто, или рѣдко кто, усомнится въ божественной троицѣ и въ обѣтованныхъ словахъ, относящихся къ ней: „Отецъ слово и святой духъ и сіи три едино суть“ (Катехизисъ Филарета, страницы не помню).

Я слишкомъ горячо люблю мою родину, чтобы смѣть вообразить ее осиротѣвшею, безутѣшною вдовицею, безъ защитника, безъ путеводителя, словомъ безъ III отдѣленія! Вообразить это — другими словами впасть въ кровавый нигилизмъ, анархизмъ, якобинизмъ, коммунизмъ и коллективизмъ!!... Прочь сатана, соблазняющій насъ на кровлѣ храма, обѣщающій намъ всѣ царства земныя, чтобы мы поклонились ему!!...

II.

Но люди, любящіе научныя доказательства всюду, недавно одинъ мой знакомый неумолимо требовалъ отъ господина, назвавшаго обитателя Горнаго Студня, Студнемъ, чтобы онъ строго научно доказалъ ему, что онъ дѣйствительно студень, настаивалъ на химическомъ анализѣ) захотятъ отъ меня ясныхъ, широкихъ доказательствъ въ пользу моей основной мысли на счетъ россійскаго броженія, обнаруженнаго микроскопомъ. (Слово микроскопъ я употребилъ для приданія научнаго характера моей статьѣ.)

Спѣшу оговориться: о политическихъ процессахъ я говорить не буду, о выстрѣлахъ точно также. Политическіе процессы сами по себѣ, русское общество и русская литература сами по себѣ.

Смѣшивать эти два ремесла есть тьма охотниковъ,
Но я не изъ ихъ числа.....

Общество платитъ въ налогѣ на соль (отъ этого онъ такъ громаденъ) $1\frac{1}{2}$ копѣйки на каждодневное содержаніе политическихъ преступниковъ и налогъ на содержаніе нѣсколькихъ тысченокъ шпіоновъ и жандармовъ. Многіе изъ нашихъ экономистовъ увѣряли, что жандармовъ и шпіоновъ монархъ содержитъ на свой счетъ, но это мнѣніе было беззапелляціонно опровергнуто; печальное недоразумѣніе произошло въ научномъ мірѣ вслѣдствіе неправильнаго пониманія подарка въ милліонъ рублей, сдѣланнаго танцовщицѣ Муравьевой; они думали, что монархъ передавалъ черезъ нее эти деньги шпіонамъ. Русское общество, уплативъ акуратно налогъ на вышеозначенныя нужды, дальнѣйшія заботы по этому предмету на себя не возлагаетъ: оно вполнѣ задушевно довѣряетъ шефу жандармовъ и шпіонамъ. Оно знаетъ, что деньги помѣщены въ хорошія руки, отечество въ полнѣйшей безопасности, бдительность кипитъ горячимъ ключемъ всюду, и дома, и за границей; всего этого слишкомъ довольно, чтобы успокоить самого придирчиваго, кляузнаго человѣка. Налогъ на Петропавловскую крѣпость въ высшей степени незначительный, такъ какъ сія фаланстерія построена изъ гранитныхъ скалъ и безъ всякихъ подвергающихся порчѣ украшеній, какъ-то: статуй, барельефовъ, фрескъ и проч.

Чтобы доказать броженіе ясно, я беру, жалѣя читателя, только одинъ номеръ расчестнѣйшей русской газеты, именуемой *Съверными Вѣстникомъ* и скромную книгу, любимаго публикою, Щедрина. *Съверный Вѣстникъ* положительно не возбуждаетъ мучительныхъ приступовъ морской болѣзни; руки, послѣ держанія его, нѣтъ надобности вымывать съ мыломъ. Онъ свою честность доказалъ неоспоримо тремя весьма нешуточными фактами:

1) Онъ перепечаталъ статью изъ обозрѣнія о Шахъ-надировскихъ неистовствахъ въ Оренбургской губ., описанныхъ русскимъ прокуроромъ, т. е. кондоромъ стараго свѣта; звѣрства до того ужасны, что если тысячную долю ихъ разсказалъ бы писатель, пишущій за границею, его всѣ въ одинъ голосъ упрекнули бы въ дикомъ преувеличеніи. Къ чести революціонеровъ, нужно сказать, что фантазія ихъ никогда не опускалась до такихъ по истинѣ дантовскихъ преисподней; дѣйствительность безконечно перещеголяла фантазію. Прокуроръ, разжалованный изъ своего

званія жандармскимъ полковникомъ, искавшій 4 года нелицепріятнаго суда, простеръ руки въ отчаяніи и, не смотря на все уваженіе къ законамъ, составленнымъ кондорами, хотѣлъ эмигрировать.

2) Послѣ выстрѣла въ Трепова, *Сѣверный Вѣстникъ* не затаилъ знаменательныхъ словъ несчастной дѣвушки: „Вотъ тебѣ за истязанія надъ Боголюбовымъ!“ Для незатаенія требовалось великое мужество: всѣ газеты, зная сущность дѣла, толсто намекали на личную месть, эротическіе порывы. *Голосъ* упрекалъ дѣвушку, выстрѣлившую въ упоръ въ „посягательствѣ изъ-за угла!“ Органъ гіенъ, шакаловъ и лисицъ, дерзко присвоившій себѣ высочайшій человѣческій атрибутъ, называемый голосомъ, повидимому, требовалъ, чтобы дѣвушка на подносѣ поднесла револьверъ къ градоначальнику, затѣмъ попросила бы его обернуться къ ней животомъ, и послѣ тщательнаго выбора надежнѣйшаго мѣста, помолясь богу, выстрѣлила въ него. Органъ шакаловъ, гіенъ и лисицъ только этотъ одинъ, дѣйствительно откровенный, способъ считаетъ не изъ подъ угла! Клеветать на беззащитную, несчастную дѣвушку, похороненную въ крѣпости, онъ считаетъ поступкомъ вполнѣ откровеннымъ, не изъ подъ угла!!...

Номеръ *Сѣвернаго Вѣстника*, на которомъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, зиждется вся сила моихъ доказательствъ въ пользу броженія, поражаетъ своими остроумными сочетаніями; невинное и виновное переплетаются въ немъ съ причудливостью цвѣточныхъ гирляндъ; описываются въ немъ военныя дѣйствія, произносятся слова на очень свѣжей могилѣ Черкасскаго, и рядомъ, въ крошечной статьѣ, скромно описываются похороны замученнаго, политическаго преступника. 350 человѣкъ провожали, рано угасшаго въ тюрьмѣ, товарища, на кладбище; дѣвушки несли крышку гроба съ вѣнкомъ (терновымъ или обыкновеннымъ не сказано). Процессія противъ зданія окружнаго суда остановилась и подняла гробъ. Нѣтъ сомнѣнія, авторъ не разъясняетъ мотивовъ безмолвнаго вниманія къ окружному суду, повидимому, между молодежью, часто хоронящею своихъ замученныхъ товарищей и окружнымъ судомъ установились совершенно отчетливыя отношенія; салютованіе окружнаго суда гро-

бомъ мученика имѣетъ необычайно зловѣщее значеніе; трудно, очень трудно переложить на слова это безмолвное салютованіе. Полиція, не успѣвъ украсть трупъ, начала дѣйствовать натискомъ; авторъ прибавляетъ отъ себя: „не прибѣгая къ энергическимъ мѣрамъ“. Русскіе нравы удивительно коншалянтные: полицейскій натискъ никому, не исключая и литераторовъ, не кажется дѣйствіемъ энергическимъ, но подготовительнымъ къ энергическимъ! Энергическою мѣрою у насъ называется раскроеніе головъ тесаками на нѣсколько неравныхъ частей, раздвоеніе же на двое — не болѣе какъ натискъ! Авторъ остается глубоко вѣренъ русской средѣ, выражаясь такимъ образомъ. На натискъ полиціи молодые люди отвѣчали, что полиція свершаетъ святотатство, выбивая изъ рукъ гробъ; пораженная въ самую глубь своихъ религіозныхъ воззрѣній, полиція умѣрила натискъ и покойникъ былъ мирно похороненъ.....

Но это все вздоръ, въ печально популярномъ *Новомъ Времени* помѣщена повѣсть Костомарова, въ которой безпристрастный русскій историкъ разсказываетъ, какъ Ушаковъ, во время Екатерины I, опускаетъ княгиню Долгорукую на волшебномъ тронѣ, подъ полъ и подвергаетъ ее нещадному сѣченію, а князя Долгорукаго, кровнѣйшаго русскаго аристократа, ругаетъ мерзавцемъ, подлецомъ, осломъ и собирается съ него спустить шкуру.

Взгляните на все сіе въ стекло, увеличивающее въ три тысячи разъ, и нѣтъ сомнѣнія, что броженіе существуетъ, и конституція снялась въ Дарданеллахъ съ якоря! Но если, не смотря на всю строгую научность доказательствъ, вы не удовлетворены выхваченнымъ на удачу газетнымъ номеромъ, то разверните невинную книжечку: „въ средѣ умѣренности и акуратности.“ Щедринъ нѣкогда весьма игриво описывалъ помпадуровъ; читая поверхностно, казалось, что сатира его въ высшей степени мелкотравчатая; онъ нарисовалъ типъ типовъ и не договорилъ пустяковъ, возложивъ (это мое смѣлое предположеніе) надежду на здравый смыслъ читателей. Помпадуры являются у него съ воздушными корнями, съ самопроизвольнымъ зарожденіемъ; не трудно догадаться, что градоначальники Щедрина ничтожные помпадуришки, жалчайшія копіи; оригиналы ихъ — пюръ помпадуры — засѣдаютъ въ государственныхъ совѣтахъ, сенатахъ, а

идеальный Помпадуръ Помпадуровичъ, фокусъ, въ которомъ собраны, въ волшебной игрѣ, всѣ лучи помпадурскіе — Александръ II, самодержецъ всероссійскій, царь польскій, финскій, алеутскій и пр. и пр.

Въ книжечкѣ, озаглавленной „Въ средѣ умѣренности и аккуратности,“ помпадуры болѣе на сцену не являются, по крайней мѣрѣ подъ этимъ вульгарнымъ названіемъ, взамѣнъ ихъ выдвигаются необычайные департаменты: „Возмездій, воздаяній и вздоховъ.“ Авторъ получаетъ приглашеніе явиться въ департаментъ „воздаяній по преимуществу,“ но онъ предупрежденъ, что многое тамъ перемѣнилось, изъ намековъ очень темно, но видно, что кресло не опускается подъ полъ съ прежнею разрушительною быстротой, сѣдалища не исполосовываются, и штатъ подпольныхъ экзекуторовъ, видимо, сокращенъ; довольно ясно указывается на царствующую тамъ пастушескую идиллію: сторожъ зажигаетъ спичку объ обшлагъ для закуриванія папиросы и часто даетъ двѣ спички въ запасъ, чиновники говорятъ о реформахъ; изъ центральнаго кабинета не выносятся оторванныя уши, вырѣзанные языки и проч. Въ курильной комнатѣ, похожей на арестантскую, гдѣ собираются шпіоны, авторъ нечаянно наталкивается на своего товарища по школѣ. Товарищъ, двадцать лѣтъ служащій въ департаментѣ „вздоховъ,“ совершенно неожиданно покрывается багровыми пятнами; безконечно смущенный, онъ порывисто, азартно, нервно спѣшитъ излиться въ разсказахъ о реформахъ. Человѣкъ, посѣдѣвшій въ департаментѣ „вздоховъ,“ силится оправдаться, примириться...

Дорогой читатель! если багровыя пятна выступаютъ на лицѣ чиновника III отдѣленія, двадцать лѣтъ приносящаго посильную пользу государству, то какого цвѣта пятна должны выступить на лицахъ тѣхъ, которые только живутъ и дышатъ этимъ удивительнѣйшимъ произведеніемъ, государственной, хитрой механики! Какія пятна должны выступать на лицахъ тѣхъ либераловъ и радикаловъ, которые безмятежно уживаются бокъ о бокъ съ этимъ учрежденіемъ, единымъ звукомъ и мановеніемъ не протестуя противъ него!? Какія черныя пятна должны выступить на тѣлѣ тѣхъ журналистовъ, которые денно и нощно пекутся объ этомъ ангельскомъ учрежденіи, охраняютъ, патетически за-

щищаютъ его, поставляютъ ему жертвъ тайными и явными доносами и частенько, якобы заимообразно, выхватываютъ деньженки изъ него!? Краска стыда и отчаянья должна броситься въ лицо каждаго порядочнаго человѣка при мысли, что онъ русскій!!...

Разговоръ о реформахъ въ одномъ мѣстѣ принимаетъ такой пикантный характеръ, что было бы литературнымъ преступленіемъ, не выписать его. Пусть юноши заучатъ выписанное мѣсто и повторяютъ его рядомъ съ молитвою: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его.“

Чиновникъ III отдѣленія говоритъ:

„Въ прежнее время объектъ воздаянія не выслушивался, не приносилъ оправданій, чаще всего даже не зналъ, что объ немъ идетъ рѣчь. Онъ разработывался исключительно съ отвлеченной точки зрѣнія. Дѣло начиналось, созрѣвало и округлялось само собой, независимо отъ объекта и безо всякаго вниманія къ тому, что онъ долженъ былъ ощущать, вслѣдствіе этого созрѣванія и округленія. Наблюдалось, чтобы всѣ отвѣты были получены, всѣ справки собраны, и когда являлась увѣренность, что надлежащее округленіе достигнуто... фюитъ: все происходило, какъ въ сонномъ видѣніи...

„Не меньшею фантастичностью отличались отношенія самихъ дѣлопроизводителей къ принятымъ ими на себя обязанностямъ по сему предмету. Они исполняли эти обязанности безъ всякой руководящей нити, почти автоматически. Они не понимали, что можетъ быть и очень больно, и умѣренно больно, и просто больно; что хотя все это стадіи одного и того же принципа воздаянія, но стадіи, находящіяся въ значительномъ другъ отъ друга отдаленіи и потому требующія очень осторожнаго, очень тонкаго примѣненія. Они не различали бытія отъ небытія и потому съ неумѣстной расточительностью прописывали небытіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда достаточно было удовлетвориться лишь болѣе или менѣе легкимъ ограниченіемъ бытія. Прописать небытіе казалось легче, проще — вотъ они и прописывались. Словомъ сказать: ихъ отношеніе по дѣлу было столь же неосмысленно какъ и отношеніе самого объекта. И первые и послѣдній явля-

лись орудіями и жертвой мрачнаго канцелярскаго фатума, который несся какъ смерчь, одинаково давя на пути своемъ и орудія, и жертву.

„*Не такъ ли? Вѣдь правда? Правду я говорю?*

„*—Да, но ты забываешь, что орудія, все таки получали присвоенное имъ штатами содержаніе, тогда какъ* объектъ *пользовался только правами и преимуществами, проистекающими изъ слова:* ФЮИТЬ*!*“

Жертвамъ, перешедшимъ изъ бытія въ небытіе, подъ давленіемъ мрачнаго, канцелярскаго фатума, счетъ давнымъ давно утерянъ; канцелярскій смерчь закрутилъ и унесъ много, много свѣтлыхъ личностей!

Мнѣ кажется, что авторъ сдѣлалъ фальшивую ноту, назвавъ одинъ изъ департаментовъ III отдѣленія департаментомъ „вздоховъ“. Нужно быть вѣрнымъ національному духу; департаментъ „вздоховъ“ носитъ на себѣ нѣсколько южный, итальянскій колоритъ, венеціанскій pont de soupir возникаетъ въ воображеніи. Посмотрите на Москву, „градъ сердечный, коренной Россіи градъ!“ Сколько тамъ разсыпано въ переулкахъ и улицахъ сокровищъ для сравненія: „Смердячій, Песій закоулки, Гробовая, Гнилая улицы, Мертвый переулокъ, Живодерка, Колесовка, Ножевка, Дригаловка, Бѣшенка, и проч., и проч.

Но пора, наконецъ, отдохнуть на славянскомъ вопросѣ. Я нѣсколько разъ заявлялъ очень мрачные, дисгармонирующіе взгляды на это величавое движеніе, но для укрѣпленія себя въ позиціи, я сошлюсь на Щедрина: онъ вращался въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ славянскій вопросъ возведенъ былъ въ „перлъ созданія,“ раздирающія впечатлѣнія онъ вынесъ изъ общаго взбалмошнаго возбужденія, фривольныя картинки сіяютъ кругомъ. Международныя соломенныя дамочки, слѣпшія съ модныхъ картинокъ, въ присутствіи публики, солдатскія раночки перевязываютъ, чайкомъ съ блюдечка ихъ поятъ, французско-нижегородскимъ языкомъ чувства свои, во всеуслышаніе, описываютъ. Бонтонныя дамочки о „гирлахъ и проливахъ“ бесѣду вели, завоевать ихъ немедленно требовали; Турцію съ карты европейской сносили; по свистку шкатулочки земскія отпирались, крестьянскіе грошики на утѣхи комитетскія спускались; Грегуары,

Сержи, Левушки стерлядями, осетрами, съ воинственнымъ пыломъ, обжирались, шампанскимъ опивались, славянскимъ вопросомъ жуировали. Балалайкины тухлую кильку и гнилую махорку, съ жаромъ патріотическимъ, въ армію доставляли и капиталы себѣ вмигъ наживали, уваженіе и поклоненіе себѣ стяжали. Международныя дамочки маіора турецкаго шампанскимъ поили, ложе ему розами усыпали, дурнымъ словамъ его учили. Купчины, для всеславнаго трезвона, колокола для Болгаріи отливали.

Отбросимъ всторону, нещадящаго грандіозныхъ чувствъ, коварнаго сатирика, изъ тьмы поднимемся въ область свѣта! У насъ есть реформаторы, защитники свободы, друзья человѣчества; у насъ былъ и только недавно сплылъ кн. Черкасскій, онъ русскую свободу въ Болгарію вводилъ, турецкое иго забвенію предавалъ. Мудро и несложно было правленіе нашего краснаго цирюльника-реформатора: онъ отмѣнилъ десятину и перепоролъ нещадно всѣхъ, радостно принявшихъ реформу; на слѣдующій день, онъ наложилъ налогъ, равный двумъ десятинамъ и перепоролъ нещадно всѣхъ, печально принявшихъ реформу; говорилъ онъ розгами, писалъ декреты розгами, жаловалъ и миловалъ розгами, вводилъ и выводилъ вонъ реформы розгами; не зная славянскаго языка, онъ ввелъ общепонятный, универсальный, музыкальный языкъ: языкъ розогъ! Имя покойника записано кровавыми буквами на болгарскихъ задахъ; заклеймено надолго имя русскаго краснаго реформатора на скрижаляхъ болгарскихъ! Передадутъ потомству болгаре заповѣди новаго русскаго завѣта, ярко начертанныя на ихъ скрижаляхъ. Надорвавъ здоровье порками, князь Черкасскій потекъ въ С.-Стефано, предложить свои услуги для просвѣтленія турокъ, для скорѣйшаго замиренія, но изнемогъ и умеръ. На скромномъ памятникѣ, его еще очень свѣжей, могилы признательное потомство начертитъ:

Покойникъ, князь Черкасскій, свободу и розги
Въ высшей степени любилъ и всюду ихъ бѣшенно вводилъ.

Всемогущій Аллахъ! Что за притча! за что намъ отрыгнулась такъ пышно николаевщина, ужъ не за патріотическое ли участіе въ славянскомъ вопросѣ?? Черкасскій поретъ, Треповъ

поретъ, Крыжановскій поретъ, и сколько еще поразбросано по оазисамъ русскимъ неоцѣненныхъ, неузнанныхъ героевъ палки и кнута! Предсмертный ли это румянецъ чахоточнаго или же здоровый румянецъ, вернувшейся къ намъ прежней, славной юности?

Но поднимемся еще выше, въ свѣтозарные чертоги Олимпа, отпаримъ душу нашу взглядомъ на скромный домикъ „великаго студня“ въ Горномъ Студенѣ. Незнакомецъ въ *Новомъ Времени* описалъ намъ это диво дивное, чертогъ аскетизма царскаго! слезы навертывались при описаніи домика о двухъ комнатахъ. Незнакомецъ (скажи намъ имя свое для запечатлѣнія на скрижаляхъ) патріотическою похотью захлебывался, разсказывая и доказывал, что монархъ спалъ въ одной комнатѣ, а не разомъ въ десяти; ѣлъ въ одной столовой, а не разомъ въ десяти; писалъ на одномъ столѣ (да писалъ ли?), а не разомъ на двадцати! Уютно спалось въ этомъ домикѣ, славно ѣлось въ небольшой, свѣтлой столовой! разнообразныя водки и закуски сервировались; замороженное въ льдахъ балканскихъ шампанское разливнымъ моремъ лилось; стерляди и осетры черезмѣрные подавались; сербскія и болгарскія филеи кровью розовою сочились; студни янтарные пожирались; подвиги классическаго самоотверженія ежесекундно разыгрывались. По вечерамъ Мезенцевъ страшныя и интересныя сказки про соціалистовъ разсказывалъ, новыя пещеры и прохладные гроты для нихъ придумывалъ, въ часы ночные конституцію созидалъ, изъ тьмы ее вызывалъ.

Проходъ Шибкинскій не охранялся, благополучные проходы пищи по кишкамъ царственнымъ воинственною арміею охранялись.

Рядомъ, на поляхъ сраженія, солдатикамъ уютно жилось подъ тучками небесными; весело свѣженькіе червячки въ заплѣсневѣлыхъ сухаряхъ кипѣли, поцискивая, въ солдатскихъ кишкахъ переваривались!!

Въ январѣ мѣсяцѣ, лежа на прохладной землицѣ, съ вывороченными кишками, оторванными членами, размозженными головами, плѣнительный кейфъ солдатики справляли. Истерзанныхъ и израненныхъ, большими кучками, ихъ складывали и въ роскошныхъ лондо, въ молодецкихъ шинелькахъ, въ снѣжныя

мятели перевозили. Слезами и кровью обливались сердца солдатскія, когда на ихъ застывающія тѣла георгіевскія цацачки вѣшали. Много было у насъ разноцвѣтныхъ орденскихъ ленточекъ и очень мало для ранъ тряпочекъ!!...

Удивили мы міръ нашими подвигами! Мы брали голыми руками неприступныя крѣпости, стрѣляли углемъ, вмѣсто пороха, брали приступомъ то, что берется голодомъ; клали десятки тысячъ тамъ, гдѣ было свирѣпымъ преступленіемъ положить одного человѣка!

Побѣдоносныя арміи у насъ навозомъ, плѣсенью питались, и не смотря на это, милліоны каждый день улетали.

Мы геройски освобождали народы и геройски, въ потьмахъ, своихъ замучивали!!

Великій Помпадуръ II, открой мнѣ, какимъ образомъ умудрялся ты въ одно время, освобождать чужія націи и чинить цѣпь для своей несчастной, рабской родины, ужасаться свирѣпствамъ въ Болгаріи и умиляться надъ собственными; вести войну съ турками и еще болѣе ужасную — съ лучшими сынами твоей родины!

Турецкій султанъ далъ конституцію странѣ, которая считалась и считается на три четверти разложившеюся падлою; ты же, русскій султанъ, ничего не далъ и обрекъ націю на обгладываніе твоихъ залежалыхъ объѣдковъ! Турецкій султанъ отказался отъ своихъ сумасшедшихъ правъ въ пользу родины, ты, даже въ тяжкую годину народныхъ бѣдствій, не отказался ни отъ одного изъ правъ своихъ! Нищій труженникъ крестьянинъ, по твоему повелѣнію, несъ свой послѣдній грошъ на войну, ты же припрятывалъ милліонны въ иностранные банки и не пожертвовалъ ничѣмъ! Азіатское правительство блестяще опередило тебя, великаго реформатора! На цѣлой половинѣ земнаго шара остались два самодержца: *персидскій шахъ и ты!* Заведи оффиціальный гаремъ, неоффиціальный ты уже давно завелъ; только эта ничтожная формальность раздѣляетъ тебя съ шахомъ! Долой стѣсняющіе брюки и облачись въ широкія шальвары; опоясь чресла свои персидскою шалью, теплота будетъ полезна твоему въ конецъ испорченному желудку. Скорѣй долой тѣсный, глупый мундиръ и напяль на себя мусульманскую кофту! Брось негод-

ныя церемоніи, ложный стыдъ передъ цивилизаціею; не замучивай нестерпимо медленно тысячи юношей, сажай ихъ прямо на колъ, руби имъ тупыми тесаками головы и прицѣпливай ихъ за волосы, для устрашенія, къ твоему дворцу! Будь логиченъ, пойми, что все это пустяки, весь фокусъ ни въ колахъ и рубленныхъ головахъ, а въ самодержавіи! оно носитъ въ себѣ разнообразнѣйшія возможности! Ты конфузишься, а какой нибудь абиссинскій самодержецъ не конфузится; конфузливость—матеріалъ неустойчивый!...

Что же касается до выматыванія сухожилій изъ народа, то твое 23-лѣтнее царствованіе ясно показало намъ, что ты давно перещеголялъ удавленнаго султана, персидскаго шаха, абиссинскаго короля; имъ также далеко до тебя, какъ мусульманской блѣдной, ущербленной лунѣ до православнаго яснаго солнышка! По части высасыванія ты взялъ у нихъ все, добытое ими, по этой части, у древнихъ цивилизацій и взялъ всѣ утонченные, вновь открытые способы у твоихъ западныхъ сосѣдей; нашлись труженники, дивно сочетавшіе древнѣйшіе способы съ новѣйшими, и ты по азіатски воспользовался ихъ смѣлыми выводами!

. . . . . .

Но гдѣ же наконецъ свѣтъ? неужели ни одинъ лучъ не сверкнулъ среди темнаго царства? Неужели абсолютный мракъ? Ставъ на твердонаучную почву, я спѣшу успокоить тебя, читатель: въ природѣ нѣтъ абсолютнаго мрака, какъ нѣтъ абсолютнаго покоя, абсолютнаго холода; 70 градусовъ холода—очень неумѣренная температура, но при 70 градусахъ холода углекислота кипитъ. Громадно темно вокругъ насъ, полярнымъ холодомъ вѣетъ, и, не смотря на это, есть уголки, гдѣ брезжитъ свѣтъ и кипитъ жизнь. Когда же загорится свѣтлая заря жизни, мы не знаемъ!...

П. Алисовъ

18 марта 1878 года.

ШПІОНЪ

(Романъ Ф. Купера)

Давно, очень давно написанъ этотъ романъ, но онъ мнѣ особенно ярко вспомнился въ настоящее время, когда исподоволь начинаютъ подводиться итоги нашему патріотизму. Шпіонъ, по сознанію самаго Купера, лице невымышленное, такихъ людей, какъ онъ, было много, среди темныхъ массъ. „Шпіонъ“ эпопея американской войны за независимость; изъ всей массы, дивно-художественно очерченныхъ, характеровъ вырѣзываются ярко два: Вашингтона и Шпіона. Во время разгара войны, Шпіонъ, съ тяжелою ношею на сгорбленной спинѣ, расхаживаетъ по лѣсамъ и болотамъ, смерть постоянно вьется надъ его головою; нѣсколько разъ онъ только чудомъ спасается отъ гибели; всюду его считаютъ измѣнникомъ, англійскимъ шпіономъ; бумагу, тайно данную ему Вашингтономъ для спасенія и въ которой разъясняется его личность, онъ проглатываетъ, пойманный американцами, чтобы, въ случаѣ спасенія, тайна не разнеслась бы всюду, и онъ могъ бы еще разъ послужить своей родинѣ. Но проходитъ война съ ея ужасами; воскресшіе къ новой жизни, американцы успокоились на пожатыхъ лаврахъ. Безконечно величава та сцена, гдѣ Вашингтонъ, освободитель отечества,

хочетъ вознаградить шпіона. Блѣдный, сгорбленный, изнуренный, худой, онъ стоитъ и смотритъ въ ноги великому освободителю. Вашингтонъ говоритъ ему:

„Вы очень, очень много сдѣлали для вашей родины, черезъ васъ мы выиграли нѣсколько сраженій; вы рисковали тысячи разъ своею жизнію, вы терпѣли ужасающія страданія, употребляли не-человѣческія усилія, чтобы быть полезнымъ родинѣ. Вы выдавали себя за англійскаго шпіона, вы несли на себѣ тяжкій позоръ: измѣнника отечества. Вы передавали англичанамъ только то, что я позволялъ вамъ. Никто не знаетъ, кто вы. Ваше имя, вами добровольно принятая служба, какъ проклятіе, тяготѣютъ надъ вами; время для раскрытія тайны, вслѣдствіе важныхъ обстоятельствъ, еще для васъ не наступило и, можетъ быть, еще долго не наступитъ; вы должны жить въ изгнаніи и что очень грустно, можете умереть въ немъ! Вы нищій, слабый старикъ, примите отъ меня помощь (онъ протягиваетъ ему мѣшокъ съ золотомъ).“

Согнутый, блѣдный, изнуренный человѣкъ выпрямляется, становится исполиномъ; гордо и презрительно отталкиваетъ онъ мѣшокъ съ деньгами; крупныя слезы горятъ на его прекрасныхъ глазахъ; смотря упорно въ глаза Вашингтону, онъ говоритъ:

„Благодарю Васъ, мнѣ не нужны деньги, я не торговалъ собою, я люблю мою родину такъ же, какъ и Вы; судьба поставила Васъ высоко, меня низко—я сдѣлалъ, что могъ...“

—Но чѣмъ же вы прокормите себя, несчастный человѣкъ?

Шпіонъ показалъ на худыя, изможденныя руки. „Ими прокормлю я себя, другой помощи мнѣ не нужно.“ . . . .

. . . . . .

. . . . . .